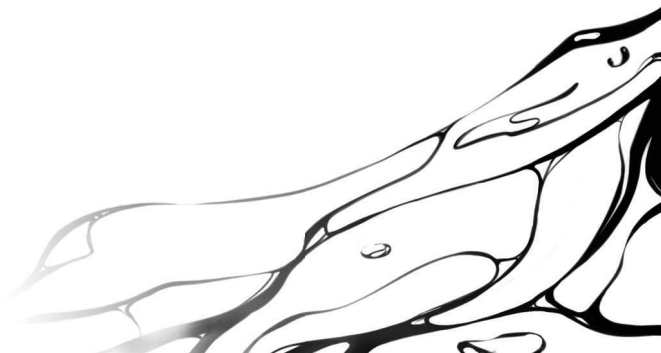

*Посвящается Эндрю —
ради тебя я готова пересечь океан*

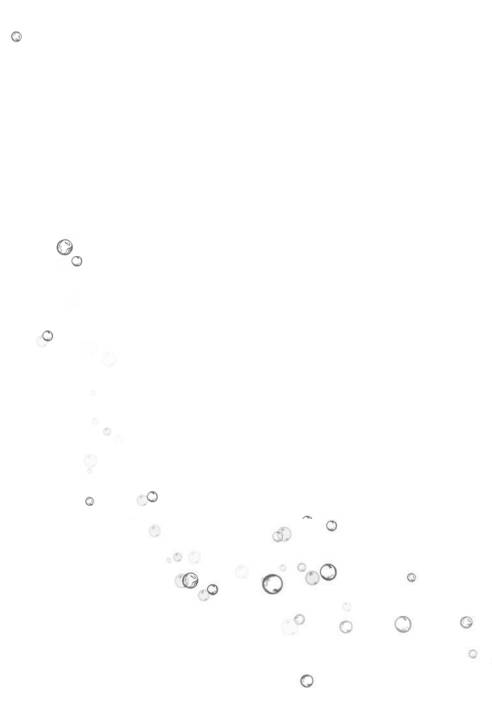

Палиндром — это слово, число, фраза, последовательность символов или знаков, одинаково читающихся в обоих направлениях.

В начале нас ждет то же самое, что и в конце. В конце нас ждет то же самое, что и в начале.

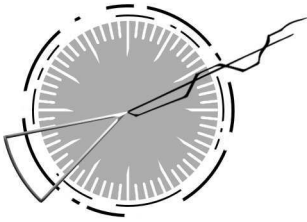
Таков закон жизни.

Нам следует ценить тот промежуток времени, что находится между ними.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕМПЕСТА

Счетчик еще не запущен

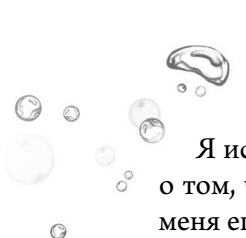
Воскресенье, 8:00

Я хотела воскресить сестру не потому, что очень ее любила.

Мне не хотелось в последний раз проститься с ней, прошептать невысказанные слова, чтобы облегчить свою совесть или поведать ей о накопившихся обидах. Я не жаждала напоследок услышать из ее уст мое имя, *Темпе*.

Мне просто хотелось усмирить гнев, снедающий меня изнутри. Гнев, который был мне неподвластен и заполнял все мое существо, заставляя меня действовать — даже в те дни, когда я уставала после ныряния на рассвете или когда мне надоедала моя никчемная жизнь.

Я бы предпочла навсегда забыть ее длинные темные волосы, струящиеся, как змеи, в воде, когда она спускалась на дно впереди меня, каким-то чудом зная, в каком месте искать сокровища. Я бы хотела вычеркнуть из памяти, как она отталкивалась сильными ногами танцовщицы, не обращая внимания на бушующий поблизости шторм. Раз и навсегда забыть ее звонкий голос, похожий на звенящий колокольчик, который замолчал навсегда.

Я испытывала злость, вспоминая о ней. Однако мысль о том, что я больше никогда не услышу ее имя, огорчала меня еще больше.

За два года, прошедшие с ее смерти, оно всплывало все реже, как затихающие раскаты грома после грозы. Вначале все друзья Элизии говорили *твоя сестра*, словно опасаясь, что при звуке ее имени по моим пылающим щекам вновь хлынут слезы. Но затем по мере того, как дни сменялись неделями, они вновь начали осторожно и мягко произносить его, давая понять, что жизнь на этом не закончилась, мне пора встать с постели и жить дальше.

Шли недели, а за ними месяцы, и люди вовсе перестали о ней говорить. Будто ее и не было.

Но потом я случайно узнала о сестре одну вещь, заставившую меня изменить свое отношение к ней, и на смену моему горю пришел гнев.

Теперь я *во что бы то ни стало* должна была в последний раз услышать ее голос, чтобы узнать правду. А для этого придется ее воскресить.

Иначе мы обе не будем знать покоя.

Катер раскачивался на волнах. Я старалась держать равновесие, чтобы не упасть в воду. Раньше родители добирались на «Рассвете» на работу. Судно было небольшим, но быстрым, с треугольной палубой цвета ракушек и крыльями под кормой, доходящими до воды, которые придавали ему устойчивость на больших скоростях. Внизу располагалась крошечная каюта, уходящая под воду, как сытое брюхо роднехвоста.

Я вглядывалась в океанскую бездну, и мне казалось, что я вижу на дне какое-то едва заметное движение, намекающее на то, что там есть нечто, помимо песка и соленой воды.

Затопленный город, который я годами опустошала и ни разу не вернулась оттуда с пустыми руками. Смуглый

цвет моей кожи указывал на то, что я много лет спускалась под воду в поисках разных вещичек.

Сегодня я нырну туда в последний раз. Элизия нашла это место, когда мне было двенадцать, а спустя пять лет я уже знала все повороты и закоулки в этом лабиринте из стали, стекла и камня. Лишь одно помещение оставалось нетронутым, и я не могла успокоиться, пока не исследую его. Затем мне придется искать под водой новые руины в надежде, что они еще не разграблены, как многие затонувшие города в этой части океана.

Я получше закрепила на ногах ласты, сделанные из затупленных ножей Прежнего мира. Ржавые тонкие металлические пластины скрипнули, когда я взмахнула ногой, чтобы их проверить.

— Ох, не скрипите! — воскликнула я. До этого ласты принадлежали моей маме, а теперь перешли мне, поскольку у меня не было средств, чтобы купить себе новые. Я бы не стала тратить деньги ни на что другое, кроме оживления сестры и заправки баллонов.

Последнее погружение, подумала я, взяв в рот трубку и надевая на голову прозрачный складной шлем. Прикрепив его к вороту костюма для погружения, я дождалась, пока он надуется.

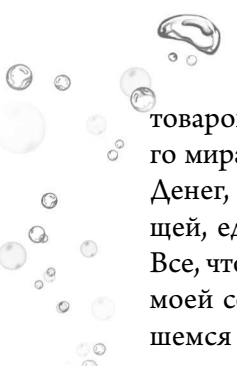
Последнее прощание. Воспоминание, которое останется в глубинах моей памяти, еще одна связь с Элизией, разорванная навсегда. Эта мысль должна была бы поднять внутри волну грусти, но вместо этого я почувствовала лишь холодную, жесткую решимость. Вскоре я тоже вычеркну из памяти ее имя.

Я сделала неглубокий вдох, чтобы проверить уровень воздуха в небольшом баллоне, прикрепленном к поясу.

Раздался двойной сигнал.

Дыхательная смесь на исходе.

Я скинула шлем и выплюнула трубку. Не считая еды, дыхательная смесь для погружения была самым дорогим

товаром, но она позволяла нам искать реликвии Пржегнего мира, которые можно было бы использовать и сейчас. Денег, вырученных после продажи найденных мною вещей, едва хватало на то, чтобы жить на рифе Эквинокс. Все, что оставалось, я откладывала на будущее оживание моей сестры. Я надеялась найти нечто стоящее в оставшемся зале, чтобы заправить баллоны и отправиться на поиски новых подводных руин, не тратя свои сбережения.

Я вставила в рот трубку дыхательного аппарата и натянула шлем. Надеюсь, мне хватит воздуха для погружения.

Но прежде чем нырнуть, я потрясла в руке черные камешки с переливающимися на солнце голубыми прожилками, похожие на вращающиеся миниатюрные галактики, а затем бросила один из них в океан, вознося молитву всем Подводным богам. Я просила, чтобы они позволили мне погрузиться в их царство, их святая святых, и выйти оттуда живой. Эта привычка осталась у меня с детства. Когда мы с Элизией были маленькими, то думали, что боги океана во время шторма забирают к себе души моряков, а также весь воздух из легких ныряльщиков. Тогда мы не знали, что это зависит только от везения, допущенных людьми ошибок или плохой подготовки. То есть опасностей нашего мира.

Вместе с ней мы научились покорять океан. По крайней мере, я так считала. До тех пор, пока Элизия не утонула два года назад.

Я не стала дальше погружаться в пучину сомнений, а просто взяла непромокаемую сумку, прикрепила ее к водолазному поясу и, повернувшись, прыгнула в воду.

Она оказалась холодной, но я почувствовала это только пальцами, потому что остальное тело было закрыто костюмом, специально сшитым из тонких прорезиненных голубых кусочков ткани, похожих на рыбу чешую,

который я всегда носила под одеждой. Я начала грести тяжелыми металлическими ластами, постепенно опускаясь все ниже.

Сделай несколько неглубоких спокойных вдохов, в голове тут же возник голос моей сестры. Естественно, ведь это она учила меня погружаться на глубину.

— Спускаться вниз легко, — говорила она мне. — Береги кислород на обратный путь, он тебе понадобится. Плыви за мной в темноту, Темпе! — Она никогда не называла меня полным именем, Темпеста, поскольку оно казалось слишком строгим для младшей сестреники. — Темпе звучит намного приятнее, — объясняла она.

Я плохо помнила себя в детстве.

Из фонарика, закрепленного возле глаз, бил яркий луч, освещавший мне путь в подводный мир. Опускаясь на дно, я следовала за ним, и совсем скоро моему взору предстали разные оттенки голубого, фиолетового и розового цветов, разбросанные вдоль ржавых металлических стен. После Великого потопа пятьсот лет назад вдоль городских руин выросли биолюминесцентные кораллы, которые освещали путь на дно океана, как фонари на мощеных улицах Прежнего мира или звезды в ночном небе. Затонувшее созвездие.

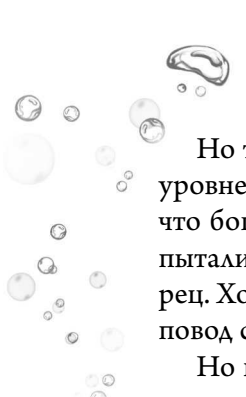
Каждый раз при виде этой картины у меня перехватывало дыхание. Несмотря на то, что здание давно разрушилось, оно было словно живое. Невероятно красиво.

Я опускалась все ниже, на дно океана.

Проплыв мимо красно-коричневой башни из металла, я свернула влево. Ржавые обломки, будто окаменелые водоросли, свисали со всех сторон. Проемы, оставшиеся от окон и дверей, которые когда-то вели в полный жизни мир, теперь зияли пустыми глазницами мертвого чудища, готового поглотить любого.

Затерянный город, утонувшие жители. Меня ждал отличный улов.

Но тут вновь раздался сигнал, сообщающий о низком уровне воздуха, и я старалась дышать спокойно, надеясь, что боги сегодня на моей стороне. Многие ныряльщики пытались найти Подводных богов: храм, часовню, дворец. Хоть что-нибудь. Но так ничего и не отыскали, давая повод скептикам усомниться в их существовании.

Но в мире, состоящем преимущественно из воды, без проводников не обойтись. Прежний мир верил в существование богов на небе и ориентировался по звездам, путешествуя по разным странам. Но когда на Земле остались лишь жалкие островки суши, стало бесполезно смотреть на небо. Мы оказались во власти воды.

Жаль, что, впервые обнаружив это здание, мы не начали с самых нижних этажей. Но тогда я впервые спустилась под воду, и Элизия хотела, чтобы мы оставались ближе к поверхности, несмотря на мои заверения о том, что я готова. Она была всего лишь на два года старше меня, но после смерти родителей вела себя скорее как мой опекун, чем сестра. Это было время, когда мамины ласты еще слетали с моих ног.

— Ничего, ты еще до них дорастешь, — повторяла Элизия, затягивая ласты как можно туже на моих маленьких ногах. — Так даже лучше, сможешь пользоваться ими дольше.

Я не спорила, а просто радовалась тому, что меня наконец-то взяли понырять.

Прошло пять лет, и теперь я была одной из лучших ныряльщиц на Эквиноксе. В то время как другие дети ходили в школу, путешествовали по океану с родителями, плавали с друзьями и танцевали с братьями и сестрами, я ныряла. Снова и снова.

На поверхности у меня больше не осталось дел.

Я погружалась все ниже и ниже, стараясь дышать неглубоко, чтобы сохранить воздух на обратный путь.

Как бы я ни скучала по совместному погружению с Элизией, мне нравилось плавать одной, находясь во

власти океана и защищавших меня Подводных богов. В полной тишине, успокаивающе действовавшей на меня.

Элизи повезло, что она нашла эти руины, которые, по всей видимости, откололись от целого комплекса зданий во время Великого потопа. Вокруг большинства затопленных городов было очень много людей, и поэтому осталось очень мало находок. Но не в этом здании. Его руины были в моем полном распоряжении.

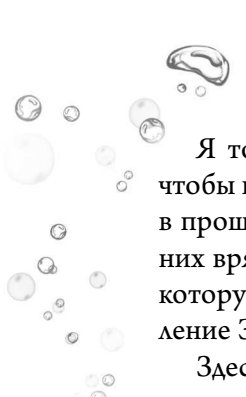
Это место располагалось неподалеку от острова Палиндромена, а большинство ныряльщиков опасалось огромных волн, разбивающихся о его крутой берег. Слишком много людей утонуло возле него. К тому же жители Эквинокса были очень суеверными и считали, что остров окружает завеса тайны и на нем стоит печать смерти.

Однако я не боялась Палиндромены. Ведь этот остров всегда маячил в моей жизни в виде призрака, не касаясь меня напрямую, как неясная тень.

Когда я наконец достигла океанского дна, то быстро проплыла сквозь пустое окно. В проеме виднелись кораллы, освещавшие мне путь. Многие считали, что нужно благодарить Подводных богов за то, что после Великого потопа в океане выросли кораллы, указывающие путь к затонувшим сокровищам. Без богов и посланных ими кораллов Пржежий мир навсегда затерялся бы в океанской бездне.

Вновь раздался предупреждающий сигнал, мне нужно было ропотиться.

Первый этаж затонувшего здания представлял собой галерею из соединенных между собой небольших торговых лавочек. Внутри них также виднелись кораллы, от которых шел свет. Первым помещением оказалась какая-то кофейня с перевернутыми столиками и осколками керамических тарелок и стеклянных чашек, которые плавали в воде.

Я торопливо поплыла дальше, смотря по сторонам, чтобы не пропустить что-то ценное, не замеченное мною в прошлый раз. Старые чашки были интересными, но за них вряд ли дали бы много денег. Я искала вещь, продав которую смогла бы зарядить баллоны и оплатить оживление Элизии.

Здесь, глубоко под водой, скелеты встречались едва ли не так же часто, как косяки из сотен желтых роднехвостов, плавающие у берегов Эквинокса. В трещинах их сломанных костей выросли кораллы, став тем связующим звеном, который не давал скелетам окончательно развалиться. Они плавали туда-сюда сквозь окна и двери, будто бы продолжая дышать и жить, притом что их мышцы и плоть были давным-давно смыты водой.

В двенадцать лет я впервые увидела светящийся скелет, напоминавший лоскутное одеяло. После этого мне всю неделю снились кошмары. Теперь же они стали моими друзьями. Я придумала им имена, биографии, характеры, сделав их *чуть* менее страшными.

Мне всегда было сложно заводить друзей, но на дне океана у скелетов не оставалось иного выбора, кроме как дружить со мной.

Я кивнула Адрею. Его красно-розовый окаменелый череп лежал на прилавке в кафе, а костлявая рука находилась прямо возле лица, точно я случайно застала его в глубоком раздумье. На дне не было никакого движения, сильного течения или косяков рыб, которые могли бы его потревожить. Когда я проплывала мимо, мои ласты подняли небольшую волну, и тогда светящиеся костяшки его пальцев поднялись, будто приветствуя меня.

Я проследовала в следующую комнату.

— Привет, Селси! — поприветствовала я скелет, обреченно плавающий меж двух коридоров. Я назвала его в честь моей старой тетушки, которая умерла от нароста соли в легких, когда я была еще маленькой. Хорошо

помнила ее зубы, казавшиеся слишком крупными, совсем как у этого скелета. Я легонько подтолкнула Селси, чтобы она проследовала в следующую комнату к Адрею. Даже мертвецы не должны оставаться одни.

Следующее помещение когда-то было книжной лавкой. Я проплыла его, не смотря по сторонам. Раньше оно было заперто, и мне пришлось приложить силу, чтобы его открыть. Мне удалось выудить несколько книг, а остальные рассыпались прямо у меня в руках: их страницы разлетелись по всей комнате. Те книги, что я подняла на поверхность, почти ничего не стоили. Соприкоснувшись с соленым влажным воздухом, их страницы тут же начали рассыпаться. Видимо, лучше было оставить их на дне, чтобы слова, написанные на их страницах, навсегда остались непрочитанными, унося с собой в бездну нерассказанные истории.

Мы потеряли громадный пласт нашей истории. Большинство сказаний о Пржежных богах были забыты, а на смену им пришли новые боги. Люди верили в то, что Пржежные боги отвернулись от нас из-за нашего эгоизма и не предупредили о надвигающемся потопе.

Когда на нас обрушился Великий потоп, люди старались выжить за счет веры.

Но только когда появились светящиеся кораллы, люди поверили в то, что мы не одни. Значит, все-таки боги не покинули нас. Ведь, подобно звездам на небе, кораллы указывали нам путь к затонувшим городам.

Мы смогли выжить в новом мире, используя то, что осталось от пржежных времен.

В отличие от моего отца, мама верила в Подводных богов. Возможно, именно отсутствие у папы веры стоило им жизни? Может, он не заметил надвигающиеся волны и темнеющие небеса, предвестников ужасного шторма, который потопил их лодку? Но, с другой стороны, Элизия...

Датчик воздуха неистово пищал.

— Я слышу тебя, — подумала я. — Но я еще не закончила свое дело.

Доплыв до последнего неисследованного помещения, я открыла дверь с помощью специальных клещей. На пороге я задержала дыхание, не только для того, чтобы сэкономить воздух, но и в предвкушении того, что я там увижу. Однако из-за темноты я не смогла ничего разглядеть. Тогда я отломил кусочек коралла от дверного проема и проследовала в комнату.

У меня вырвался вздох разочарования.

С потолка на ржавых палках свисали лохмотья, которые остались от некогда ярких тканей.

Лавка с одеждой.

Я так надеялась, что комната, расположенная в самой дальней части здания, защищена от пагубного воздействия волн, подобно книжной лавке. Но ее окна выходили во внутренний двор, а стекла давным-давно разбились.

Я начала перебирать руками лохмотья, в надежде найти хоть какие-то украшения, безделушки, хоть что-нибудь. Однако Великий потоп не оставил здесь ничего интересного.

Датчик запаса воздуха пищал все настойчивее, а значит, у меня оставалось всего несколько минут для того, чтобы начать постепенное всплытие во избежание декомпрессионной болезни. Я подумала о том, что нужно будет купить дыхательную смесь и постараться поскорее найти новый неисследованный объект для погружений.

Вдруг мне в глаза бросилось нечто, расположенное в центре большого ярко-розового коралла. Оно было зеленого цвета, что являлось редкостью для такой глубины.

Я проплыла сквозь пустую оконную раму и взглянула наверх. Часть здания обрушилась во внутренний двор, перекрыв его снаружи. Теперь понятно, почему сверху его не было видно.

Но не это привлекло мое внимание. Я проплыла чуть дальше, и мое сердце забилося часто-часто, в унисон с сигналом датчика. *Не может этого быть! Это невозможно!*

Дотронувшись пальцами до зеленой восковой поверхности, я забылась и сделала глубокий вдох. Датчик издал визжащий звук, но я не обратила на него внимания.

Это же растение! *Растение!* Слава Подводным богам!

У меня захватило дух от радости, ведь за растение дадут сотни, тысячи банкнот.

Теперь я готова. Я смогу отправиться на Палиндроме-ну. Наконец-то мне удастся попрощаться с Элизией.

Я боялась дотронуться до растения — вдруг оно рассыплется при одном моем прикосновении.

Как это может быть? Конечно, некоторые ныряльщики находили растения, но в основном это были морские водоросли. Однако здесь совсем другой случай. Водоросли не растут в такой темноте. Это было растение, которое выросло на земле и каким-то чудом уцелело.

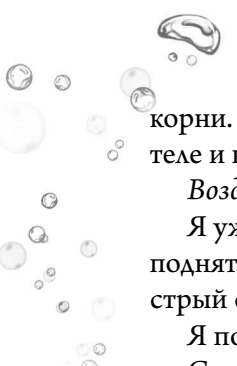
Я очистила его от обломков, упавших сверху и закрывших собой почти все листья. Они были органического происхождения, мягкие и зернистые на ощупь. Это же дерево! Видимо, оно упало на дно под ударом волн и защитило растение от разложения.

От радости я сделала глубокий вдох и ощутила нехватку воздуха. Теперь датчик вместо прерывистого сигнала издавал протяжный звук.

А значит, воздух закончился.

Я опустила руки вниз, чтобы нащупать корни. Есть! Я попробовала аккуратно выдернуть растение, и оно поддалось, сбросив несколько листьев и веточек. Если мне удастся поднять его наверх в целости и сохранности, это будет настоящее чудо.

У меня в груди все горело из-за нехватки воздуха, я вытащила из сумки прозрачный мешок и обернула им

корни. Меня обдало жаром, я почувствовала его во всем теле и на запекшихся губах.

Воздух. Мне нужен воздух.

Я уже не успевала проплыть через все лавочки, а затем подняться на поверхность. Нужно было найти более быстрый способ выбраться отсюда.

Я посмотрела наверх. Это мой последний шанс.

Сунув растение под мышку, я со всей силы оттолкнулась лапами и сразу почувствовала жжение в мускулах.

Нужно подняться на поверхность как можно быстрее.

Я начала всплывать и вдруг уперлась в препятствие, перекрывшее мне путь. Это был кусок тяжелой штукатурки, упавший с ближайшей стены. Я попробовала сдвинуть его плечом, надеясь, что мне удастся выбраться наружу к солнечному свету. Это здание так меня выручило, оно не должно меня подвести. Только не сейчас.

Датчик перестал издавать звуки, дыхательная смесь закончилась. Я должна была либо срочно подняться на поверхность, либо умереть. Но у меня в запасе еще оставалось немного времени. За годы погружения на глубину мои легкие расширились, поэтому сейчас в груди оставался небольшой запас воздуха, которого должно было хватить на несколько минут.

Я со всей силы стукнула по обломку, и он треснул. Прележав сотни лет под водой, он стал хрупким. Я продолжала бить изо всех сил, пока не увидела проблеск солнечного света. Быстрее наверх!

Протиснувшись в образовавшееся отверстие, я поняла, что у меня нет времени, чтобы неспешно подниматься на поверхность. А значит, когда я выберусь отсюда, мне придется принять таблетку для рекомпрессии, чтобы нейтрализовать пузырьки воздуха, образовавшиеся в мускулах и кровеносной системе. Но это меньшая из моих проблем.

В легких не осталось воздуха, теперь им конец, и ногам тоже.

Я вспомнила про Элизию. Так вот что она чувствовала перед смертью. Вокруг был синий океан, как у меня сейчас. Жжение в груди. Боль. Ужас.

Никто не найдет меня здесь, потому что попросту некому искать. Лучше бы я осталась с Адреем на дне. Не хочу умирать в одиночестве, как моя сестра.

Я пыталась плыть, двигая ластами, но свет был слишком далеко. Я пробовала сделать вдох, но воздух закончился. Тогда я выплюнула изо рта трубку, признав поражение.

Все кончено, мне оставалось жить несколько минут. Я подумала про маму с папой и Элизию, забыв о том, что она натворила. Надеюсь вскоре встретиться с ними там, куда попадают после смерти.

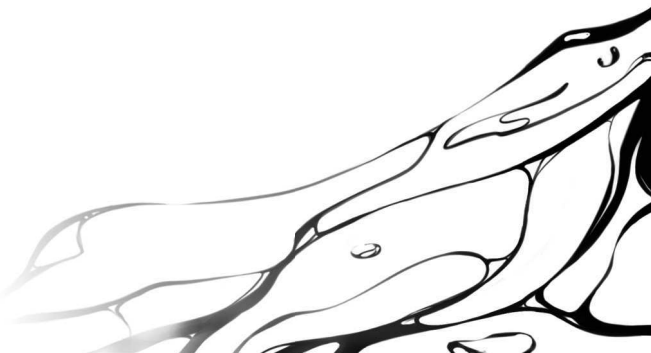
Все поплыло перед глазами, но я попыталась в последний раз сделать вдох.

Воздух! Я чуть не поперхнулась. Конечно! Я же использовала его, чтобы надуть себе шлем!

Стоило мне с облегчением вдохнуть, как кислород закончился.

Но этого было достаточно.

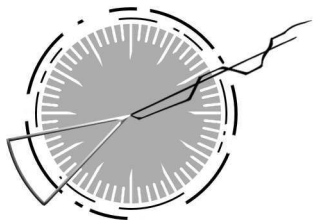
Я поспешила на поверхность.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛОР

Счетчик еще не запущен

Воскресенье, 14:00

Я пытался не замечать трупов, смотрящих на меня из резервуаров. Но не было ни одного дня, когда бы у меня получилось это сделать.

Я терпеть не мог это место — его запахи, приглушенный свет и все, что с ним было связано. Больше всего я ненавидел смерть. При этом к трупам я относился без антипатии. Они же не виноваты в том, что ученые на Палиндроме использовали их для своего плана по спасению планеты. Ученые считали, что будущее в их руках, поскольку они отвечали за урожай всех выращиваемых культур. В противном случае мы бы все умерли.

По идее я давно должен был смириться с этим, поскольку уже два года жил и работал в подвале на Палиндроме, или в Аквариуме, как его ласково называли сотрудники. Однако к трупам сложно привыкнуть.

Остров Палиндромена получил свое название в честь станции, на которой придумали способ оживления утопленников — правда, всего на двадцать четыре часа. Большинство людей отдали бы все, чтобы получить шанс проститься с любимыми, и это можно было сделать на нашем острове при условии, что клиент был готов

заплатить три тысячи банкнот. Те, кто решили раскошелиться, утверждали, что ни минуты не пожалели об этом. Однако лично мне такая цена всегда казалось заоблачной.

Я знал, что другие сотрудники воспринимали эту процедуру как чудо, дающее человеку прожить еще день, или как дар Подводных богов, однако в процессе оживления не было ничего сверхъестественного. В конце концов, смерть — чертовка, играющая не по правилам.

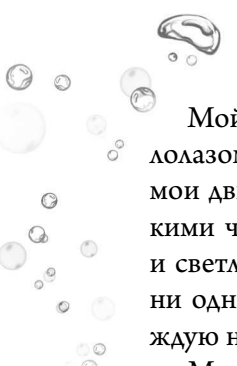
Тогда почему же я решил окружить себя мертвецами?

Все просто: я не заслуживал того, чтобы находиться рядом с живыми людьми.

Я понял, что бесполезно пытаться уснуть, и решил встать с постели. Дело в том, что я проснулся очень рано, после обычного ночного кошмара. Когда два года подряд тебе снится один и тот же сон, кажется, что он уже не должен вызывать такой бурной реакции. Однако я по-прежнему просыпался, выкрикивая имя Калена. Я не чувствовал облегчения, даже во сне. Хотя, сказать по правде, я его не заслужил. Мое подсознание с удовольствием напоминало мне о том, что я натворил. Прошлая ночь не стала исключением.

Когда я, наконец, смог провалиться в сон около четырех утра, мне привиделся *тот самый* день, во всех подробностях. Как будто все произошло вчера, а не два года назад.

Мне снилось, что я в горах Палиндромены. Лишь взбираясь на скалы, я чувствовал себя самым собой. Не «островитянином», а просто Лором. При этом я сам выбирал скорость подъема, маршрут и конечную цель. Это давало мне чувство контроля, которое я не мог получить в других обстоятельствах. Никто не указывал мне, что делать, не ставил передо мной никаких задач. Все зависело только от меня. Я обожал этим заниматься, притом что на Палиндромене я чувствовал себя заложником.

Мой закадычный друг Кален был менее опытным скалолазом, но старался не отставать от меня, повторяя все мои движения. Иногда он выглядел по-другому, с короткими черными или русыми волосами, а не с длинными и светлыми, и я понимал, что это сон. Но не проходило ни одной ночи, чтобы я не видел его. В каждом сне, каждую ночь.

Мы с детства были лучшими друзьями и вместе исследовали остров, пока наши мамы работали. Большинство сотрудников жили на соседнем Эквиноксе и ежедневно приплывали сюда на катерах. А наши семьи проживали на острове, чтобы присматривать за станцией. Но затем Кален переехал на Эквинокс, чтобы посещать местную школу, а я остался с мамой. Ведь я дал слово бабушке и дедушке не оставлять ее после их смерти. Кроме меня, у нее никого не было.

Кален приезжал в гости каждые выходные, часто привозя с собой друзей с рифа, чтобы они могли лицезреть знаменитую Палиндрому. Затем его внимание переключилось на девушек, лодки и вечеринки, а я решил покорить остров. В конце концов, мне осталось подняться на последнюю вершину, Священную гору, самую высокую на всем острове. Сверху она нависала над землей, поэтому карабкаться на нее было строго запрещено. Но нас это не остановило.

Во сне, как и в реальной жизни, наши друзья остались внизу. Они предупредили нас, едва заметив зловещие тучи, нависшие над островом.

— Нам лучше спуститься, — сказал Кален. По его взгляду я понял, что он боится.

Но, как и два года назад, я ответил:

— Осталось совсем чуть-чуть, мы успеем до грозы.

Я продолжал карабкаться все выше, мне не терпелось поскорее взглянуть на мир, простиравшийся за островом. Кален был в одной связке со мной. Однако я ошибся.

Мы не успели.

Внезапно из тучи хлынул теплый дождь. Я вытер ладонью лицо и вдруг почувствовал на губах соленый привкус. Оглядевшись, я понял, что обе мои ладони в крови.

Затем я посмотрел на Калена, но кровавый дождь его не тронул. Он хотел подняться повыше ко мне, у него соскользнули руки, оставив на выступе кровавый след. Кален попытался уцепиться за выступ, но сорвался вниз. До меня донесся крик наших друзей.

Я потянул страховочный трос, чтобы его удержатъ. Веревка натянулась, я дернулся, чуть не упав со скалы под его весом.

— Держись! — крикнул я ему, видя, как он беспомощно болтается в воздухе подо мной.

Но он ничего не ответил, его лицо не выражало никаких эмоций, глаза были безжизненными. Только тогда я понял горькую правду.

Это был сон, Кален уже умер. А я отчаянно пытался изменить то, что произошло.

Я попробовал подтянуть трос, чтобы переместить Калена поближе к скале, но руки соскальзывали из-за того, что они были все в крови.

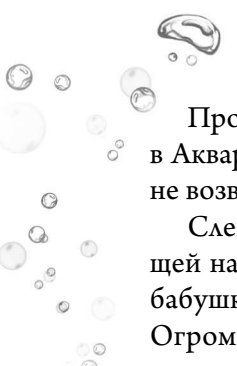
— Это все ты виноват! — произнес Кален с совершенно спокойным лицом.

— Нет, нет, нет, нет!

Но веревка ослабла, и, как всегда, Кален рухнул в воду недалеко от того места, где наши друзья в ужасе наблюдали за этим.

Было очень глупо, наивно, самонадеянно и эгоистично думать, что я смогу забраться на любую скалу на острове. Покорить Палиндромену. А затем и весь мир.

Достаточно всего одной мокрой скользкой скалы, падения в воду с огромной высоты, и один из моих самых близких друзей погиб. Из-за моей самоуверенности, из-за меня.

Проснувшись, я с облегчением понял, что нахожусь в Аквариуме. Я решил больше не закрывать глаза, чтобы не возвращаться на ту скалу.

Слегка размяв плечи, я потянулся за книгой, стоящей на полке за кроватью. Библиотека досталась мне от бабушки с дедушкой, которые собирали ее при жизни. Огромная подборка книг из Прежнего мира. Истории про те места, куда можно было добраться пешком или на вездеходе, а не на катере. Совсем другая жизнь, в которой люди не выживали, а жили нормальной жизнью, настоящей жизнью.

Тогда как эта проклятая новая жизнь была для мертвецов.

Чтобы отвлечься, я выбрал книгу о чудесах архитектуры Прежнего мира и о том, как правители постановили, что в городах должны быть высокие дома, чтобы вместить растущее число жителей. Некоторые из зданий Прежнего мира возвышались на тысячи этажей над землей. Естественно, они первыми рухнули во время Великого потопа.

Затем я приступил к своим ежедневным обязанностям: обошел все ряды в Аквариуме, проверяя, нет ли протечек, при этом я держал книгу перед собой. Здесь были сотни утонувших людей, находившихся в ожидании последнего прощания со своими любимыми. Из-за неспокойного океана, опасных погружений и частых штормов большая часть смертей после Великого потопа была вызвана переутомлением. А значит, их можно было оживить. На станции тела хранились в течение десяти лет, по прошествии которых от них избавлялись. Поскольку островов осталось не так много, места на них ценились на вес золота, поэтому на Палиндроме не могли вечно хранить все трупы.

Даже если близким было не по карману вас оживить или если вы умерли не в результате утопления, после

смерти ваше тело принадлежало станции. Это было частью договора Палиндромены с Хранителями рифов. В обмен на тела людей, будущих объектов научных исследований, рифы получали свежие продукты и необходимые лекарства для жизни на воде. Честная сделка, не так ли? В конце концов, зачем вам тело после того, как вы умрете?

Проходя по светящимся коридорам, я старался смотреть в книгу, не обращая внимания на движение в резервуарах. Несмотря на то, что на головах у мертвецов были плотные прозрачные шапочки, у некоторых из них волосы выбились из-под них и плавали у лица, как водоросли. Подсвеченные резервуары были заполнены водой с измельченными кораллами, что не давало трупам разлагаться. Они качались в воде, будто живые.

Но самыми ужасными были их глаза. Они смотрели на вас бесцветными радужными оболочками, а зрачки были сужены до маленькой точки. Я повернул за угол, и тут мне показалось, что кто-то из них моргнул.

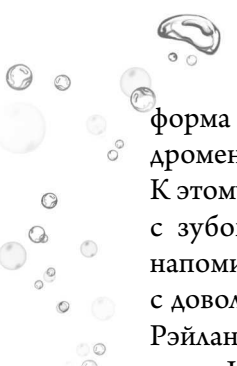
Я отпрянул назад, выронив книгу и налетев на тележку с химикатами. Бутылочки звякнули и упали на пол. К счастью, ни одна не разбилась.

Звук от случайно оброненных мной склянок разнесся эхом по всему подземелью. Мертвец рассмеялся.

— Рэйлан! — возмущенно крикнул я, поняв, что лицо с моргнувшими глазами принадлежит не трупу, находящемуся в воде, а тому, кто стоял позади пустого резервуара. Подняв книгу, я сунул ее в задний карман. — Что, разрази тебя гром, ты здесь забыл?

Рэйлан вышел вперед и засмеялся что есть мочи. На его загорелой коже мерцали блики от светящихся резервуаров. Короткие черные вьющиеся волосы отливали синевой.

— Видел бы ты свое лицо! — Он схватился за сердце и выпучил глаза, будто изображая меня. На нем была

форма зрителя: бежевая футболка с эмблемой Палиндромены в виде ладоней, сомкнутых над зеленым листом. К этому он добавил знак рифа, надев на шею черную нить с зубом гигантского панцирника-тюленя. Зуб больше напоминал оружие, а не украшение, и контрастировал с довольной ухмылкой, которая часто возникала на лице Рэйлана и была адресована по большей части мне одному.

— Игры с мертвецами — это не шутки, Рэй! — Но я не мог скрыть своей радости при виде него. Приятно поболтать с живым человеком вместо мертвых. Несмотря на то, что Рэю было восемнадцать, то есть всего лишь на год меньше, чем мне, он казался намного моложе. Думаю, это объяснялось тем, что я все время ощущал на себе груз вины, а также постоянно находился в компании мертвецов. — Что это ты решил повеселиться внизу? — спросил я.

— Я принес тебе пирожки с рыбой, — ответил он и протянул мне небольшой металлический контейнер в качестве примирения. — Попробуй, я их недавно сделал.

Я с трудом удержался, чтобы не выхватить пирожки у него из рук и не умять их прямо здесь. В новом царстве воды они были для меня настоящей отдушиной.

— Спасибо, — произнес я с набитым ртом, не в силах остановиться. — Невероятно вкусно!

Он широко улыбнулся.

— Я приготовил их для вчерашней вечеринки. Зря ты не пришел.

Я напрягся и проглотил весь кусок целиком.

— Я же говорил, что буду занят.

— Занят? Интересно чем?

— Тем, что и всегда, охраной подземелья. — Мне не хотелось ему врать, но я не мог признаться в том, почему оказался здесь на самом деле. Лишь мои друзья были свидетелями того, что случилось в тот день. Как я заставил

Калена карабкаться на вершину и не послушал его, когда он предложил спуститься вниз. Несмотря на то, что подсознание рисовало новые жуткие картины, во сне я видел все предельно ясно, и меня это раздражало. Я частенько думал, смогу ли я когда-то забыть об этом, или мне придется снова и снова проживать этот ужас до конца своих дней.

Я не мог спрятаться от воспоминаний о трагедии, зато я мог скрыться от всех, кто меня знал. Вот почему я исчез из того мира.

Рэй внимательно посмотрел на меня, а затем спросил: — Почему тебя не могут отпустить хотя бы на один вечер? Я знаю, что директор очень строгая, но, думаю, она бы поняла. Тебе нужно проводить хоть немного времени снаружи.

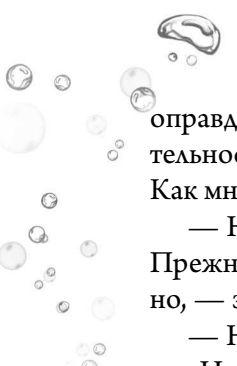
В том-то и дело. Я не мог, да и не хотел покидать Аквариум. Я не заслужил иной жизни, за пределами этого сырого, плохо освещенного подземелья. Не заслужил права получать удовольствие от жизни снаружи после того, как сам погубил Калена. По правде говоря, я не заслужил эту дружбу с Рэем, но и не пытался его оттолкнуть.

Он впервые спустился в Аквариум полгода назад, ища тихое местечко, чтобы прийти в себя после первого оживления. Он не мог пережить горе родных своего пациента. Сначала я решил не обращать на Рэя никакого внимания, однако, к своему удивлению, затем все же решил выйти, чтобы успокоить его и объяснить суть того, что здесь происходит. Это место неизбежно притягивало смерть, как волны, бьющиеся о берег. Нам оставалось только ждать завтрашнего дня в надежде, что он будет лучше.

Забавно, ведь сам я не позволял себе покидать подземелья. Жизнь внизу, вдали почти от всех людей стала для меня наказанием.

— У меня нормальная жизнь, — наконец ответил я. — К тому же мне нужны деньги. — Это было жалкое

оправдание и лишь частично соответствовало действительности, но я надеялся, что Рэю этого будет достаточно. Как много раз до этого.

— На что тебе деньги? Чтобы купить больше книг из Прежнего времени? Кажется, у тебя их и так достаточно, — засмеялся он. — Достаточно, слышишь?

— Не смешно! — сказал я, не в силах сдержать улыбку. Находясь рядом с Рэем, нельзя было оставаться серьезным.

Он стукнул меня по голому плечу.

— Ты такой бледный, что вскоре будешь похож на них! — Сам он был с одного из рифов, Эквинокса, его бронзовая кожа с оттенками охры стала еще темнее после долгих лет на воде.

— Спасибо за поддержку, Рэй. — Я уже слышал от него эти слова. *Бледный как покойник*. Или мое любимое: *Ты что, позаимствовал кожу у мертвеца?*

Внезапно улыбка сошла с его лица. Может, я слишком долго его отталкивал? В конце концов, мы дружим уже полгода, рано или поздно он устанет от моих отговорок. Я поспешил сказать:

— Как-нибудь в другой раз. — Зная, что этого никогда не будет.

— Отлично! — К счастью, он быстро переключился. Я с тоской думал о том времени, когда он потребует от меня ответов.

— Ну что, как прошла вечеринка? — спросил я, пытаясь сменить тему.

— Замечательно! — Его лицо просияло. Каждый раз, говоря про Эквинокс, он был преисполнен счастьем. — Я познакомился с отличным парнем. Жаль, что тебя не было! Кроме того, там было много хороших девочек.

— Угу, — буркнул я уклончиво. Кажется, я разучился разговаривать с девочками, не говоря уже о том, чтобы с ними флиртовать.

Рэй пошел за мной. Я слышал его тяжелые шаги и шаркающую походку. Несколько лет назад произошел несчастный случай: во время рыбалки столкнулись две лодки, его левая нога застряла между ними, в результате чего ему раздробило лодыжку. После этого он мог ходить, но в конце дня было видно, как он морщится от боли.

— У тебя все хорошо? — поинтересовался я.

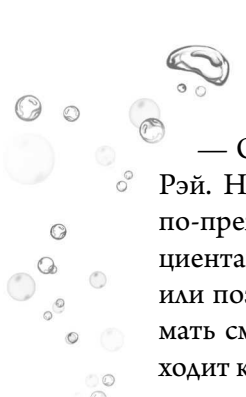
— У меня? — он улыбнулся своей фирменной улыбкой, обнажив щель между передними зубами. — У меня всегда все отлично, дружище.

Я знал, что он не любит говорить о той аварии, но мне было невыносимо видеть его страдания. Речь не о физической боли, а о том, что он лишился дела всей его жизни.

Любовь Рэя к океану передалась ему по наследству от предков, которые были мореплавателями еще до Великого потопа. Когда-то Рэй был подводным охотником и проводил больше времени под водой, чем на поверхности. Однако после того несчастного случая он решил бросить это занятие, так как понимал, что уже не сможет плавать, как раньше. Для того, чтобы работать ластами на глубине, нужна пара здоровых, сильных ног, по крайней мере так он мне объяснял. Для этого ему нужно было вылечить поврежденные сухожилия на ноге, а лучшим местом для экспериментального лечения была Палиндромена.

Местные ученые смогли найти способ восстановления поврежденного мозга и легких утонувших людей, но не совсем. Ткани могли восстановиться всего на двадцать четыре часа. В свободное от работы время Рэй помогал персоналу в медицинском отделении, надеясь, что у них появится возможность применить навыки по восстановлению мозга и легких для исцеления поврежденных клеток и тканей у живых людей.

— Расскажи про своего сегодняшнего клиента, — попросил я, желая сменить тему.

— Одна очень милая дама, — с теплотой ответил Рэй. Несмотря на ежедневную встречу со смертью, он по-прежнему сочувственно относился к клиентам и пациентам. Интересно, изменится ли это со временем. Рано или поздно все, кто здесь работали, начинали воспринимать смерть как нечто совершенно обычное, что происходит каждый день. А не то, что разрушает семьи и ставит крест на будущем.

— А кто оживший пациент?

— Ее сын. — Я услышал теплые нотки в его голосе. — Он утонул полгода назад. Мать попросила меня поддержать ее в конце.

— Правда? — Обычно клиенты просили оставить их наедине с ожившими близкими людьми.

— Я сказал, что так не принято. Мы не хотим, чтобы пациенты понимали, что происходит. К тому же мне не нравится находиться рядом с ожившими. — Он скорчил недовольную гримасу. — У меня от этого мурашки по коже.

Я удивленно поднял бровь.

— Сколько раз тебе повторять? Ожившие не пахнут, они совсем как живые. На двадцать четыре часа. — Пока не умрут второй раз.

— Я чувствую, что они пахнут иначе. — И он постукал по носу. — Мама говорит, что у меня особый нюх на такие вещи.

— Твоя мама боится собственной тени.

Он поднял палец вверх и открыл рот, чтобы поспорить, но затем произнес:

— Ты прав.

Рэй рассказывал мне, что его мама до сих пор верит в Пржежных богов. Она ненавидела Палиндромену и то, что местные ученые наживаются на мертвых. Лишь однажды она приехала навестить Рэя, когда он только начал работать, умоляя его бросить все это и вернуться

на Эквинок. Она провела на острове всего час, а затем спешно покинула его на своем катере, заявив, что здесь повсюду витает запах смерти. Думаю, скорее всего, ей был непривычен запах выращиваемых у нас культур.

Однако в ее словах была доля правды. Этот остров олицетворял смерть, она являлась его неотъемлемой частью. Они были неотделимы друг от друга.

Я не верил ни в Подводных, ни в Пржежных богов. К чему все это? Мы сами творцы своей судьбы. Никто не знал это лучше меня.

— Пока я здесь... — Рэй откашлялся. — У меня к тебе просьба.

— Нет, — ответил я, даже не взглянув на него.

— Да ладно тебе! — Он обнял меня рукой за плечи, привстав на носочки, чтобы дотянуться. — Ничего сложного, приятель.

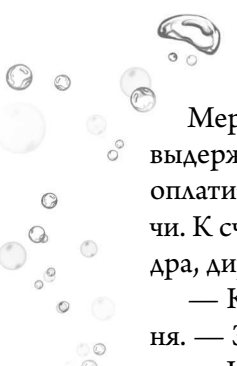
— Что-то не верится. — Со слов Рэя я понял, что он вечно попадает в какие-то передряги. Его честность шла вразрез с правилом держать в тайне все, что происходит на острове.

— Честное слово, клянусь Подводными богами. — В его голосе чувствовалась бравада, а его обычно открытое лицо было подозрительно серьезным.

Он боялся услышать мой отказ, это не сулило мне ничего хорошего.

— Ладно, — сказал я. — Выкладывай.

Он стрельнул взглядом по печи за моей спиной. Мы оказались в самом конце Аквариума, где ранее оживленные тела хранились перед тем, как найти последнее пристанище в храме на дне океана. Поскольку от суши осталась лишь маленький клочок земли, считалось большой честью быть похороненным там. Вот только немногие могли заплатить цену, назначенную научной станцией, что создавало разрыв между теми, кто жил на рифах, и теми, кто работал на острове и мог себе это позволить.

Мертвых нельзя было оживить второй раз, сердце не выдержало бы. А значит, если родственники не могли оплатить захоронение умерших в храме, их сжигали в печи. К счастью, это не входило в мои обязанности. Нессандра, директор Палиндромены, сама занималась телами.

— Кхм, — сказал Рэй, стараясь не смотреть на меня. — Завтра придет один клиент.

— Исключено. — Я сунул руки в карманы штанов, быстро сообразив, что к чему.

— Перестань. Всего один клиент, самый обычный клиент. Тебе просто нужно за ним присмотреть. Это же легко, там все автоматизировано.

Улыбнувшись, он постучал по экрану металлического эхопорта на своем запястье. У всех зрителей были такие — с их помощью они следили за оживлением пациента. Я не мог спокойно на это смотреть.

— Отлично, вот и займись этим сам. — И я пошел дальше.

Рэй пытался найти нужные слова.

— Тебе всего лишь придется встретить клиента, успокоить его и...

— Я слежу за резервуарами, а не присматриваю за ожившими. Ты же знаешь, что это против правил.

Зрители отвечали за пациента во время его оживления. Они должны были следить за тем, чтобы он не узнал о своей смерти и не покинул станцию. Работа на Палиндромене считалась престижной, поскольку здесь можно было заработать в пять раз больше, чем в любом другом месте. Но при этом ты сам должен был заплатить высокую цену. И Рэй прекрасно это понимал, поскольку он был начинающим зрителем.

— Поверить не могу, что ты просишь меня о таких вещах. Нессандра с тебя голову снимет.

— Вовсе не обязательно сообщать директору, — сказал он тихим голосом.

Нессандра, или Королева смерти, как ее называли со-трудники, установила строгие правила, чтобы не подвер-гать свою компанию критике со стороны жителей рифов. Не считая Рэя, она была единственной, кто знал о моем пребывании в подземелье. И я не мог подвергать опасно-сти свое убежище.

— Нет. — Я достаточно сталкивался со смертью по работе и не хотел бы оказаться с ней лицом к лицу, как зрители. То, что предлагали на Палиндромене, было неправильно. Компания делала вид, что она скорбит вме-сте с вами. Но на самом деле это было далеко от истины. Ваше горе было для них способом нажать на вас. И все, кто в этом участвовал, платили свою цену. Как мертвые, *так и живые.*

— Прощу тебя, Лор! — сказал Рэй тихим умоляющим голосом.

Я остановился и повернулся к нему. Рэй редко бывал столь серьезным.

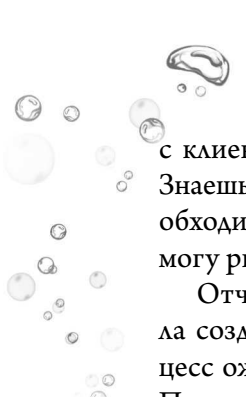
— В чем дело?

Он нахмурился.

— Доктор с Северных рифов приезжает на Эквинокс. Я договорился о встрече с ней несколько недель назад, — вздохнул он. — Она специализируется на реабилитации.

Я взглянул на его левую ногу. Перед приездом на Па-линдромену Рэй побывал у всех врачей в радиусе трех ты-сяч километров. Никто не смог ему помочь. Притом что он не оставлял надежды пройти лечение на острове, Рэй впервые упомянул реабилитацию, а не попытку найти лекарство. Неужели он наконец-то решил начать новую жизнь, поняв, что впереди его ждет иное будущее, никак не связанное с прошлым. И ему вовсе не обязательно быть таким, как я?

— Завтра не моя смена, — сказал он. — Просто вне-запно поступила заявка на оживление, и я оказался самым подходящим кандидатом, поскольку я одного возраста

с клиенткой, а остальные молодые зрители заняты. Знаешь, я бы никогда не потревожил тебя без крайней необходимости, но я и так на плохом счету у директора и не могу рисковать своей работой.

Отчасти тайна, окутывающая Палиндромену, была создана специально. Ученые хотели, чтобы весь процесс оживления казался мистическим и благословенным Подводными богами. На прошлой неделе Рэя временно отстранили за то, что он поведал клиенту о том, что, если вынуть тело из резервуара более чем на несколько часов и не оживить его за этот срок, оно начнет разлагаться и расплзется у него на глазах. Чем больше лет прошло с момента смерти, тем быстрее будет разложение. Это я походя сообщил ему такие подробности. Рэйлан не собирался пугать клиента, однако из-за его откровений Нессандра лишилась ценного заказчика. Многие на Эквиноксе и так не доверяли Палиндромене. Слухи, распространяемые людьми, имели огромное значение. Жители должны были чувствовать, что их умершие родные в надежных руках, а налоги идут на нужное дело.

— Прости, — сказал я. — Но я не могу оставить свой пост.

Много лет Кален был связующим звеном между мной и внешним миром. После его смерти мир будто бы перестал для меня существовать.

Рэй оставался единственным, кто напоминал мне о том, что находится за стенами подземелья.

— Пожалуйста! — Он сложил руки, как в молитве. — Всего двадцать четыре часа, а затем ты вернешься в свой мрачный подвал и спрячешься от жизни.

Я скрестил руки на груди и возмутился:

— Я не прячусь!

— Неужели? Почему же ты никогда не покидаешь Аквариум? — спросил он с вызовом.

Зря я думал, что смог его обмануть. Видимо, я его недооценивал.

— Я все время куда-то выхожу, — сказал я, пытаюсь изобразить улыбку. — Не выдумывай.

— Лор, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Я видел твою кровать в дальней комнате.

Мне захотелось нагрубить ему и выставить вон, сказав, что он ошибся и я вовсе не живу здесь. Но я запнулся на полуслове, не в состоянии придумать ничего правдоподобного.

— Я никому не скажу, — поспешно добавил он, поняв мои опасения. — Никто не узнает твой секрет. Я понимаю, что ты не хочешь об этом говорить.

Я фыркнул. Ничего он не знает. Да и откуда ему знать, если последние полгода я постоянно ему врал — врал своему другу, который сейчас просит меня о помощи.

Я прочел в его глазах отчаяние, когда он понял, что шанс попасть к врачу стремительно тает. Я по себе знал, что чувствуешь, когда прошлое тебя не отпускает, и хотел освободить его от этого.

Лучше бы я отказался, оттолкнул его и больше никогда не виделся с Рэем.

Но мысль о том, что я на долгие годы останусь один в полной тишине, пронзила меня насквозь. Мне нужно было то, что удерживало меня на плаву, и этим спасательным кругом был Рэй.

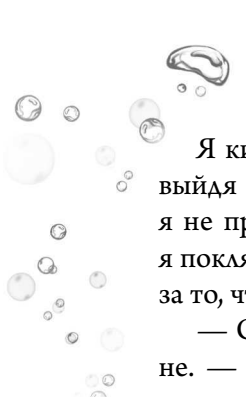
Если я сделаю вид, что в любой момент могу покинуть Аквариум, возможно, это на какое-то время продлит нашу дружбу. Я знал, что не смогу всегда сохранять эту видимость, но, по крайней мере, у нас будет завтра.

— Хорошо, — сказал я. — Я тебя заменю, но только один раз.

Его лицо озарила улыбка:

— Правда?

Я кивнул так, будто мне это ничего не стоило. Будто, выйдя из этой тюрьмы, в которую я сам себя заключил, я не предаю память о Калене. А ведь после его смерти я поклялся, что никогда его не забуду и понесу наказание за то, что он погиб из-за меня.

— Спасибо! — Рэй легонько стукнул меня по спине. — Прикинься мной на двадцать четыре часа. Твоя главная задача в качестве зрителя — направлять клиента во время оживления и помогать ему, если что-то пойдет не так. Но этого не будет. Все пройдет как по маслу, дружище. Как по маслу.

Я знал, что только время покажет, пожалею ли я об этом решении.

